

Смирнов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук,
профессор Ленинградского государственного
университета имени А. С. Пушкина,
профессор Русской христианской гуманитарной
академии имени Ф. М. Достоевского,
mirsnov@yandex.ru

**РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ
В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ¹**

Глобализация современного мира приводит к существенной трансформации цивилизационных устоев действовавшего предшествующие века миропорядка, включая положение, роль и содержание всех исторически сложившихся религий. Религии не уходят с арены современности, но существенно меняют формат своего присутствия в публичном пространстве. Доминирующим мотивом этого присутствия становится секуляризация религиозной идентичности, при которой вероучительные и мистико-социологические смыслы религий уступают место этнокультурному смыслу конфессиональной принадлежности. Возникают новые коммуникативные практики, консолидирующие последователей религий не доктринами, а совместными социальными действиями. Государства оказались перед необходимостью устанавливать новые правовые параметры для религиозных сообществ, учитывая при этом актуальность соблюдения свободы совести и убеждений в мировоззренчески неоднородном социуме.

В Российской Федерации состоявшимся фактом является религиозный плюрализм, наличие большого спектра религиозных направлений, насчитывающих около семи десятков только официально учтённых. Имеет место реальная конкуренция между этими направлениями. Вполне подтверждёнными являются такие процессы, которые описываются понятиями

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00272, <https://rscf.ru/project/24-28-00272/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

приватизации религии, приватизации веры, религиозной конверсии, публичной религии, диффузной религии, викарной религии, религиозного бриколажа и ещё рядом других. Эти процессы аналогичны или близки к мировым тенденциям в религиозной жизни современного человечества.

Ключевые слова: религия, глобализация, государство, секуляризация, политика, коммуникации.

Smirnov M. Yu.

RELIGIOUS AND POLITICAL COMMUNICATIONS
IN A GLOBALIZING SOCIETY: GENERAL AND SPECIAL

The globalization of the modern world leads to a significant transformation of the world order civilizational foundations that existed in previous centuries, including the position, role and content of all historically established religions. Religions do not leave the arena of modernity, but significantly change the format of their presence in public space. The dominant motive of this presence is the secularization of religious identity, in which the doctrinal and mystical-soteriological meanings of religions give way to the ethnocultural meaning of confessional affiliation. New communicative practices are emerging that consolidate followers of religions not through doctrines, but through joint social actions. States are faced with the need to establish new legal parameters for religious communities, taking into account the relevance of respecting freedom of conscience and belief in an ideologically heterogeneous society.

In the Russian Federation, an established fact is religious pluralism, the presence of a wide range of religious movements, numbering about seven dozen officially registered. There is real competition between these areas. The processes described by the concepts of privatization of religion, privatization of faith, religious conversion, public religion, diffuse religion, vicarious religion, religious bricolage and a number of others are quite confirmed. These processes are similar or close to global trends in the religious life of modern humanity.

Keywords: religion, globalization, state, politics, secularization, communications.

Очевидно, что в современном мире приходится иметь дело с новыми форматами религиозного фактора в публичном пространстве [4; 11]. Происходят нарастающие трансформации и, одновременно, диффузия того объекта, который именуется религией. Хорошо заметно, что сейчас чего только ни называют религией. За множественностью употребляемых значений уходят привычные образы, по которым поколения привыкли опознавать то, что всегда относили к религии.

Культура секулярного общества выступает ныне уже не столько как оппонент религиозной культуре, сколько как замещающее религию состояние. Конфессиональные ценности вытесняются ценностями, основанными на мировоззренческом плюрализме, которые, в свою очередь, остро конкурируют между собой за роль ведущих. Среди них не только так называемый светский гуманизм, но и многократно обруганный, однако не исчезающий мультикультурализм с его установками на толерантность и политкорректность, а права человека стали новой сакральностью. Возник риск растворения прежних нравственных стереотипов религии в так называемых «новой этике» и «новой нормальности». Альтернативой этому становятся попытки реанимировать традиционные устои религиозных сообществ в формате, так сказать, «нового фундаментализма» (особенно проявившегося в условиях пандемии).

Государства оказались перед необходимостью устанавливать новые правовые параметры для религиозных сообществ, учитывая при этом актуальность соблюдения свободы совести и убеждений в мировоззренчески неоднородном социуме. Но юридические акты далеко не всегда адекватны изменениям, происходящим в сфере общественных отношений по поводу религии, просто не отражают эти изменения. Упоминание в этих актах Бога, религии, верующих и прочего ряда мировоззренчески заряженных понятий, не имеющих строгого правового описания, лишь осложняет правоприменительную практику, влечёт за собой повышение уровня конфликтности в обществе.

Подавляющее большинство последователей религий очень редко обращается к доктринальным текстам и каноническим трактовкам — вероучительные нормы всё реже совмещаются с их повседневным жизненным миром в современном социуме. Зато на первое место выходит идентификационное, маркировочное свойство религиозной идентичности. Религиозная самоидентификация воспринимается людьми как более надёжная преимущественно потому, что социальность сплошь и рядом неустойчива, гражданственность конфликтна, этничность же в исторической памяти сливается с религиозной принадлежностью.

В любой религии никогда не было такого, чтобы все относящие себя к ней глубоко до тонкостей постигали доктрины и скрупулезно следовали кодифицированным нормам этой религии. Однако религии всегда обладали мощным мировоззренческим потенциалом, аккумулировали в себе нравственные и эстетические искания и тем самым оказывались психологически востребованными и социально функциональными. Поэтому даже невежество в отношении вероучений не отменяло вписанность потребностей подавляющего большинства людей в очерченные религиозными установлениями порядки обыденной жизни.

Но именно развитие человеческих потребностей в различных сферах, социальных и интеллектуальных, расширяло мировоззренческий горизонт, генерировало новые стратегии понимания мира и себя в этом мире. Возникает плюрализм таких стратегий, включающий параллельные и альтернативные религиям образы и трактовки мироустройства. В этом процессе религиозные учения не утрачивают значения ориентиров, но неуклонно превращаются лишь в один из оттенков элективного спектра, проще говоря — становятся лишь одним из предметов мировоззренческого выбора, среди прочих, конкурирующих и вполне эффективных.

Постоянным спутником культивирования религиозных доктрин является их адаптация к возможностям и способностям усвоения этих доктрин большинством верующих. Возникает заметное расхождение между интеллектуальным миром, формируемым носителями религиозной мысли (теологами, религиозными философами, конфессиональными идеологами), и неизбежным упрощением, вплоть до примитивизации и искажения, вероучительных идей в массовом религиозном сознании.

Оставаясь предметом уважительного отношения, доктринальные идеи перестают быть предметом актуальной востребованности, поскольку последователи религии не находят в них действенных ответов на жизненно важные текущие вопросы. То есть, вероучения не упраздняются, но вытесняются на периферию повседневного жизненного мира, оставаясь чем-то вроде заповедных пространств мысли и чувства.

Любая религиозная организация имеет корпоративные черты, причём чем выше притязания на сакральность своего статуса, тем сильнее корпоративные интересы и амбиции. Конечно, среди этих интересов доминируют собственно религиозные, например, пастьерские. Но как некое социально целое, большое или малое, религиозная организация вовлечена в мирские отношения и зачастую увлечена этими отношениями. Из чего следует неизбежная девальвация вероучительных установок, ориентирующих последователей на приоритет духовного над материальным. Тогда и возникает разочарование в сотериологических способностях религиозной организации, ибо в глазах верующих слишком много места в её деятельности принадлежит нерелигиозным интересам.

В наши дни это обнаруживается в феномене так называемого «исповедания (веры) без принадлежности» (по встречающейся в России формулировке: «вера это одно, а церковь — это совсем другое»). При этом, упадок авторитета религиозной организации не тождественен утрате религиозной веры её участниками. Верующие лишь ищут такой уклад своей религиозной жизни, который отвечал бы их личным потребностям и не вступал бы в диссонанс с их религиозными ожиданиями. В этом укладе вполне может найтись

место и религиозной организации, но уже не как начальствующему и предписывающему институту, а как комфортной среде совместного исповедания веры. Происходит корректировка функционала — религиозные организации утрачивают контроль от имени сакральной инстанции за жизненным миром своих последователей в их социальном бытии, но при этом удерживается и усиливается функция маркера общей идентичности участников организации по совместно исповедуемой ими вере.

Характеризуя современную религиозную ситуацию, следует, прежде всего, отметить весомое информационное и институциональное присутствие религии в публичном пространстве. Как известно, в современном мире что-либо существует настолько и так, насколько и как это предьявляется средствами массовой информации. Религия стала устойчивым медийным феноменом, заявленным через телеэкран и Интернет.

Публичное присутствие религии обнаруживается не только через разного рода СМИ. Уже обычными стали конфликты в государствах со светской правовой системой по поводу конфессиональной атрибутики за пределами мест религиозного культа, возникновения новых храмов, присутствия религиозного компонента в системах образования светских государств.

Одно дело, когда религиозность проявляется и реализуется, так сказать, естественным образом. Очевидно, что в психической деятельности индивидов и в общественной ментальности есть нечто, генерирующее потребности, которые принято опознавать как религиозные. Тут надо думать о природе этих потребностей, об условиях их полноценного удовлетворения, о соотношении их с мировоззренческими потребностями нерелигиозного характера. И коль скоро религиозное начало имеет многообразные социальные проекции, то резонно, если в этой сфере будет проводиться очень осторожная и взвешенная государственная политика, опирающаяся на компетентное мнение специалистов — и из конфессиональной среды, и из светской науки. Другое дело, когда скрыто или явно присутствует нечто вроде инструментального отношения к религиозному фактору.

В нынешней Российской Федерации статистика роста храмов и управленческих учреждений религиозных организаций показывает уже явно плановую систему их наращивания (замечу, при почти полном игнорировании далеко не восторженного восприятия этой экспансии населением¹). Идут вливания государственных средств, формируемых из налогов не только верующих, но и нерелигиозных граждан, на престижные нужды некоторых

¹ Против строительства храмов за пять лет протестовали жители 28 городов 25 регионов России // Ведомости. 21 мая 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/05/21/802088-protiv-stroitelstva-hramov> (дата обращения: 10.01.2024).

религиозных организаций. Нормы ряда действующих правовых актов, регулирующих отношения по поводу религии, временами игнорируются. От властных инстанций звучат речи, призывы и инициативы, так или иначе связывающие духовность, нравственность, основы государства и общества с религией. Само собой, тут же появляется и соответствующее теоретическое обоснование [5]. При этом практически не приводится никакая объективная аргументация, подтверждавшая бы, что население России жаждет, просто ждёт не дожждётся государственной религии.

В то же время, подлинные умонастроения россиян по поводу религии, о которых относительно неплохо знают немногочисленные исследователи [1; 9], далеко не совпадают с пропагандируемым идеальным имиджем религии в публичном пространстве. Назову несколько ситуаций, свидетельствующих о таком расхождении.

1. У населения России высок уровень религиозной самоидентификации. Но все, кто причастен к исследованиям на этот счёт, уже и не спорят особо о том, что это — этнокультурная идентичность, плохо коррелирующая с освоением доктринального содержания религиозных учений. Уровень регулярно практикующих последователей религий даже по самым оптимистичным данным некоторых социологических мониторингов ситуативно колеблется в диапазоне от 7 до 15 % опрошиваемых, и перспектива неуклонного роста не просматривается¹.
2. В обществе присутствует доверие к религиозным организациям и/или их лидерам. Но это доверие преимущественно обусловлено ожиданиями действий социально значимого характера. От религиозных организаций и их руководства ожидают, упрощённо говоря, заступничество перед государством за народ, нравственное вразумление светской власти и представителей бизнеса. В разных слоях общества, включая и нерелигиозные, существует в целом положительное отношение к религии как духовной составляющей жизни. Приветствуется и социально ориентированная деятельность религиозных организаций. Но большинство населения не готово видеть в этих организациях инстанции, контролирующие повседневную жизнь.
3. Религиозный фактор получил легитимность на уровне высшей государственной власти и аппарата государственного управления. Публичная демонстрация светскими руководителями положительного отношения

¹ В России недосчитались верующих // НГ Религии. 5 марта 2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2019-03-05/10_460_opros.html; Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ Новости. 27 июля 2023 [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 31.01.2024).

к религии, вкупе с присутствием служителей культа в разных официальных ситуациях и публичными декларациями религиозных лидеров по вопросам культуры и общества создают впечатление надвигающейся клерикализации.

Однако думается, что реальной угрозы клерикализма в современной России нет. Сколько-нибудь весомого влияния на политику, внутреннюю и внешнюю, религиозные организации и их руководство не оказывали и не оказывают [2; 8]. Даже там, где кажется, что какие-то решения принимаются под влиянием религиозных организаций, скорее всего это влияние минимально и лишь потому происходит, что совпадает с интересами институтов светской власти. Замечу, что религиозным организациям не следует обольщаться — уважительное отношение к ним управленческого аппарата светского государства, скорее, протокольно-церемониальное. Они нужны как посредники в проведении госполитики, т. е. не мистико-сотериологическими или эсхатологическими учениями, а своими организационными возможностями.

4. Общим местом стала декларация свободы совести в России — для подтверждения всегда можно сослаться на Конституцию Российской Федерации. Правда, многие воспроизводят формулировку свободы совести в редакции ещё советской Конституции, утверждая, что у нас «церковь отделена от государства», не ведая, что в нынешней Конституции РФ вообще нет слова «церковь». Но даже точное знание конституционных и других правовых формулировок нередко обесценивается правовым нигилизмом [3; 10]. Оттого и происходит селективное применение законодательных норм, которые временами и местами превращаются, вопреки Конституции, в нормы не для всех [6].

Можно было бы указать и на другие ситуации подобного рода. Но надо признать, что сфокусированный критический ракурс — не единственное, что возникает при анализе религиозной ситуации в стране. В России действительно существенно изменилось положение религии. Религиозная жизнь стала несравненно свободнее, чем в советские времена [7]. Состоявшимся фактом является религиозный плюрализм, наличие большого спектра религиозных направлений, насчитывающих около семи десятков только официально учтённых. Имеет место реальная конкуренция между этими направлениями. Вполне подтверждёнными являются такие процессы, которые описываются понятиями приватизации религии, приватизации веры, религиозной конверсии, публичной религии, диффузной религии, викарной религии, религиозного бриколажа и ещё рядом других. Эти процессы аналогичны или близки к мировым тенденциям в религиозной жизни современного человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатова О. А.* Религиозная самоидентификация и воцерковлённость в секулярном обществе (региональные аспекты) // *Религиоведение.* — 2011. — № 1. — С. 135–143.
2. *Богачёв М. И.* Динамика политических предпочтений православных верующих в России // *Власть.* — 2016. — № 5. — С. 146–150.
3. *Бугаенко Ю. Ю.* Правовой нигилизм как социокультурный феномен в современном российском обществе // *Социально-гуманитарные знания.* — 2012. — № 6. — С. 220–229.
4. *Каргина И. Г.* Новые религиозности: социологические рефлексии // *Вестник МГИМО(У).* — 2012. — № 2. — С. 186–193.
5. *Мазурин С. Ф.* Евангелизация общественного самосознания как безальтернативное средство совершенствования общественных отношений и спасения человеческой цивилизации. — М.: Русайнс, 2018. — 248 с.
6. *Пронина К. Ю.* Правовой нигилизм государственных служащих: понятие, причины и меры минимизации // *Евразийский юридический журнал.* — 2023. — № 5 (180). — С. 112–113.
7. *Религия в российском обществе. Традиционные религиозные и либеральные взгляды / под ред. М. В. Романова и В. В. Степанова.* — М.: Общественная палата РФ, 2012. — 98 с.
8. *Рыжова С. В.* Религиозность в контексте культуры доверия // *Социологический журнал.* — 2017. — Т. 23. — № 3. — С. 44–63.
9. *Синелина Ю. Ю.* О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах её изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // *Социологические исследования.* — 2013. — № 10. — С. 104–115.
10. *Соколова М. А.* Правовой нигилизм: причины появления и пути преодоления // *Вестник Нижегородской правовой академии.* — 2016. — № 10. — С. 48–52.
11. *Степанова Е. А.* Новая духовность и старые религии // *Религиоведение.* — 2011. — № 1. — С. 127–134.